

Старшая школа Цицилинъ — учебное заведение новое, и архитектурный стиль его вполне соответствует современным вкусам молодежи: здесь меньше школьных стереотипов и больше уютных, живописных уголков.

От столовой к учебному корпусу тянется широкая аллея, обсаженная гинкго. Сейчас, в разгар поздней осени, она стоит в сплошном золоте. Под деревьями расставлены скамьи, где студенты могут передохнуть или почитать.

Цяо Жуньи подошел к одной из них, тяжело опустился на сиденье и, откинувшись назад, закрыл глаза.

Сквозь редющую листву на его лицо падали золотистые блики, а взгляд Шао Лисюаня замер, не отрываясь от него ни на миг.

— Оказывается, сидеть здесь — это такие ощущения, — с чувством произнес Цяо Жуньи, потянулся и добавил: — И правда, очень приятно.

Раньше Цяо Жуньи вечно носился туда-сюда, вечно спешил. Если он и поднимал глаза на сверстников, сидевших на скамейках — кто скрестив ноги, кто просто отдыхая, — то лишь для того, чтобы тут же молча отвести взгляд и ускорить шаг.

Слова вроде «комфорт» или «уют» казались чем-то совершенно посторонним.

Шао Лисюань присел рядом и серьезно сказал:

— Теперь можешь сидеть здесь столько, сколько захочешь.

— Разумеется, — Цяо Жуньи сменил позу, облокотился на спинку скамьи, подпер голову рукой и вполне естественно ответил: — Я тоже хочу как следует насладиться жизнью.

Шао Лисюань промолчал.

Вдруг раздался бодрый звонок. Шао Лисюань тут же прикрыл рукой часы, отключая звук. Цяо Жуньи с любопытством взглянул на него.

Пришлось ответить на вызов. Наушников у него не было, поэтому из динамика часов голос его соседа по парте Му Цзыпэня прозвучал на всю округу:

— Великий господин! Ты поел? Будем играть в мяч или как?

Шао Лисюань нахмурился, с явным недовольством ответив:

— Не буду, я занят.

— Чем занят?

— Я с Цяо Жуньи.

— Ого, как гордо звучит! — слышался голос Цюань Фэнсяня. — Вы двое еще не закончили обедать?

Шао Лисюань выпрямился и с невозмутимым видом ответил:

— Поели. Мы на прогулке.

— У Да-Цяо есть время гулять с тобой?! — снова вклинился Му Цзыпэнь. — Скоро же ежемесячный экзамен, он что, аудирование не тренирует?

Шао Лисюань посмотрел на Цяо Жуньи. Тот ответил:

— Сейчас не нужно.

— Не готовишься к математической олимпиаде? — изумился Му Цзыпэнь. — И помогать учителю проверять тетради тоже не надо?

Цюань Фэнсянь добавил:

— В школьную газету ничего не пишешь? Не идешь в общежитие выпасться? А вечером на подработку не идешь?

Цяо Жуньи: «...»

Совесть внезапно начала мучить.

— Какое вам дело? — Шао Лисюань помрачнел. — Занимайтесь своими делами.

Звонок оборвался. Цяо Жуньи почувствовал себя так, будто скамья превратилась в утыканный гвоздями коврик, и молча поднялся.

Шао Лисюань встал следом.

Цяо Жуньи зашагал прочь, испытывая неловкость. Он никак не ожидал, что одноклассники знают его график досконально, тогда как сам он уже успел забыть о них самих.

Он похлопал себя по карману, достал аккуратно сложенный листок черновика и развернул его: там было расписано его расписание на неделю.

Понедельник, вторник и среда уже были вычеркнуты. Значит, сегодня четверг.

Подъем в пять тридцать утра, приготовление завтрака, потом отвести Цяо Маньи в школу, пересадка на автобус до семи десяти, в семь тридцать — точно по расписанию — быть в классе.

Затем утреннее чтение, английский, математика, сон во время большой перемены. Обед — подработка в столовой, потом тренировка аудирования, подготовка к олимпиаде по математике.

Дальше — расписание уроков на вторую половину дня. В семь вечера — подработка в торговом центре, в десять тридцать — ужин. Ужин был обведен кружком. Цяо Жуньи вспомнил: это значило, что он решил побаловать себя. Он перевел взгляд ниже — точно, там была пометка: в четверг на ужин наградить себя блинчиком «цзяньбин-гоцзы» с двумя яйцами и свиной.

В пятницу в обед — снова подработка в столовой, а после того как поест, нужно выбежать из школы, добраться до дома сестры, которая уехала в путешествие, и убраться за котом.

Вечером — снова подработка, ужин в десять. Но этот ужин не был обведен, и пометок не было: значит, он планировал просто перекусить чем попало.

Цяо Жуньи давненько не вспоминал свою школьную жизнь. Глядя на расписание сейчас, он невольно ощутил, как к горлу подкатил ком.

Подняв лицо к Шао Лисюаню, он жалобно сказал:

— Как же мне тяжело.

У Шао Лисюаня заблестели глаза, он рванулся вперед и крепко заключил его в объятия.

Погладив его по голове, он прошептал:

— Жунь-Жунь, не плачь, я буду копить карманные деньги и содержать тебя.

Цяо Жуньи: «...»

Вся грусть мгновенно сменилась неловкостью. Он отпихнул Шао Лисюаня и буркнул:

— Я... я пошутил.

Шао Лисюаню пришлось ответить:

— Я тоже пошутил.

Цяо Жуньи двинулся дальше. Мимо прошли двое парней, обнявшись за плечи. Один спросил:

— А-Ху, ты будешь любить меня вечно?

Второй ответил:

— Конечно, ты мое вечное сокровище.

Цяо Жуньи молча наблюдал, погружившись в раздумья. Неужели, раз уж он с детства не заводил друзей, нынешняя мужская дружба стала такой приторной?

Видимо, придется привыкать.

Он теребил край одежды, обдумывая, как сгладить неловкость. Судя по увиденному, ему достаточно просто подыгрывать Шао Лисюаню — в конце концов, тот ведь не собирается всерьез отдавать ему свои карманные деньги.

— Босс, — Шао Лисюань, еще не привыкший к этому обращению, машинально посмотрел на него. Цяо Жуньи улыбнулся: — Сколько у тебя сейчас карманных денег в месяц?

— У меня? — от его улыбки сердце Шао Лисюаня забилось быстрее. — Я сейчас живу здесь один. Мама дает мне двадцать тысяч в месяц, папа — тридцать. Но я могу сказать папе, что мама дает мне пятьдесят, и тогда он, желая доказать, что он круче мамы, даст мне сверху еще двадцать.

Цяо Жуньи опешил от бесконечных тысяч:

— Твои мама и папа... они не общаются друг с другом?

— Чтобы казаться ближе, они никогда не обсуждают деньги. Папа считает, что разговоры о деньгах портят отношения.

— ...

— Жунь-Жунь, что с тобой?

— А, я немного завис.

— В каком смысле?

— В том смысле, что твои слова звучат довольно логично, но если вдуматься, это звучит странно, а если подумать еще раз — снова логично... Вот так.

Они шли и рассуждали. Шао Лисюань быстро уловил суть:

— Ты хочешь сказать, что фраза о том, что деньги портят отношения, звучит логично, но для супругов не обсуждать финансы — это не как в нормальной семье, верно?

— Примерно так.

— На самом деле, это потому, что моя семья слишком богата, обсуждать это утомительно, — Шао Лисюань попытался объяснить ему эту модель отношений. — Подумай сам, если бы тебя заставляли каждый день считать деньги, да так, что голова уже не вмещает, а пальцы сводит судорогой, разве тебя бы это не раздражало?

Цяо Жунь издал неопределенный смешок.

Хоть Шао Лисюань и не понимал, что сказал не так, он все же благоразумно замолчал.

Цяо Жунь направился к общежитию. Шао Лисюань молча шел рядом и, лишь начав подниматься по лестнице, нашел новую тему:

— Если бы мы жили вместе, Жунь-Жунь, ты бы, наверное, взял управление семейным бюджетом в свои руки?

— Хм, — ответил Цяо Жунь. — Во всяком случае, то, что я зарабатываю, я точно смогу пересчитать. Мне довольно нравится считать деньги.

У Шао Лисюаня будто сработал какой-то инстинкт, он намекнул:

— А я люблю отдавать все деньги жене.

Цяо Жунь нахмурился. Ему показалось, что их взгляды на жизнь не совпадают, но раз уж Шао Лисюань способен даже перевестись в выпускной класс ради погони за истинной любовью, то желание отдать все деньги супруге — вполне в его духе.

Он проявил уважение и пожелал счастья:

— Это хорошо.

Шао Лисюань решил, что его не поняли:

— Я считаю, мужчина должен беречь жену, деньги должны быть у нее.

Цяо Жунь это начало раздражать:

— Ну а я не отдам.

Шао Лисюань с надеждой заглянул ему в глаза:

— Представь, если бы всю жизнь я каждый день видел, как любимый человек пересчитывает мои деньги, я бы умер счастливым.

Цяо Жуньи почувствовал, как его мировоззрение подвергается атаке. Он в глубине души начал презирать этого «одержимого любовью» и сказал:

— Мои деньги вкусны только тогда, когда я считаю их сам.

— Ты прав, — согласился Шао Лисюань. — Просто мне кажется, что считать свои деньги скучно, если бы нашелся кто-то, кому я мог бы их отдать...

— Хочешь отдавать — отдавай! — Цяо Жуньи начал закипать. — Нет нужды повторять это мне постоянно. Я в любом случае ничего не отдам, я сам буду распоряжаться своими деньгами, и никто не смеет к ним прикасаться.

Атмосфера резко изменилась. Шао Лисюань лихорадочно соображал, какая фраза снова его разозлила, и с натянутой улыбкой произнес:

— Я имел в виду, что мы с тобой так идеально подходим друг другу.

Цяо Жуньи подумал, что у парня проблемы с логикой. Один — эгоистичный прагматик, другой — влюбленный идиот, о каком «идеальном совпадении» может идти речь?

Но Цяо Жуньи помнил, что перед ним его босс, поэтому ровным тоном сказал:

— Давай не будем обсуждать этот вопрос. Я уважаю твое желание, прошу, не пытайся убедить меня принять твою теорию, хорошо?

Только тут Шао Лисюань понял, в чем дело. Он попытался оправдаться:

— Я не пытаюсь заставить тебя принять мою теорию, я просто сказал, что мне нравится отдавать деньги...

— Спать пора, спокойного дня. — Разговор не клеился, и Цяо Жуньи просто захлопнул дверь общежития.

Шао Лисюань стоял снаружи и уныло добавил:

— ...А ты просто любишь ими распоряжаться.

Цяо Жуньи сидел на кровати и глубоко дышал. Возможно, в его памяти образ великого босса Шао был слишком мудрым, и сейчас, видя перед собой глупого юного босса, Цяо Жуньи не мог с этим смириться.

В прошлой жизни, когда он работал с Шао Лисюанем, тот, если и не был MVP в каждом деле, то как минимум оставался лучшим помощником. А что сейчас? Каждая его фраза навевает на Цяо Жуньи какое-то весеннее помешательство.

«Одержимые любовью» — это так страшно. Скорее бы уж он остыл.

Цяо Жуньи решил не тратить время и принялся за аудирование. Хотя тридцатилетний Цяо Жуньи легко справлялся с любым английским, он слишком давно закончил школу и должен был убедиться, что экзамен пройдет без сучка и задоринки.

Убедившись, что его знаний все еще хватает для школьной программы, он снял наушники, достал математический тест и начал решать задачи.

Студентам школы Цицилинь нельзя было пользоваться телефонами — обычно они оставляли их в общежитии или сдавали учителям. Шао Лисюань не был исключением: на уроках он носил только часы.

Но функционал часов ограничен.

Первым делом после возвращения в комнату Шао Лисюань выудил телефон и проверил баланс.

Когда Цюань Фэнсянь вернулся после игры в мяч, окно в общежитии было распахнуто. Великий господин Шао сидел у окна; бело-синяя школьная форма делала его особенно красивым, а глубокое выражение лица придавало меланхоличный вид.

Цюань Фэнсянь спросил:

— Что такое? Чего смурной?

— Переживаю из-за своего баланса.

— Из-за баланса? — Му Цзыпэн, вошедший следом, тут же подскочил, с любопытством заглядывая в экран. — Дай гляну... Обалдеть, и ты из-за этого переживаешь?

Шао Лисюань опустил ресницы:

— Если бы я был один, конечно, нет.

— Что, теперь вас двое? — Цюань Фэнсянь с удивлением уставился на его живот.

Шао Лисюань: «...Забей, вы все равно не поймете».

Цяо Жунь не очень хорошо запоминал людей, но память на задачи у него была превосходная. Прожив жизнь заново, он, по крайней мере, избавился от необходимости снова корпеть над учебой днями и ночами — хоть какой-то плюс.

Во время обеденного перерыва он даже немного поспал.

Проснувшись, он долго не мог прийти в себя. Потирая взъерошенные волосы, он поднялся, привел в порядок постель и отворил дверь.

— Жунь-Жунь. — Шао Лисюань стоял на пороге в школьной форме, держа в руках ярко-красный таз для умывания, с желтым полотенцем на плече. Его взгляд был теплым и преданным: — Проснулся? Умойся.

Эта сцена заставила Цяо Жунь замереть. В прошлой жизни, когда он случайно засиживался в офисе на всю ночь, он часто видел нечто подобное: стоило поднять голову от компьютера, как тот уже держал полотенце, смоченное в теплой воде, чтобы приложить его к лицу.

— Великий господин, это что еще за фокусы? С чего вдруг работа прислуги?

— Повезло тебе, Да-Цяо.

До его ушей донеслись насмешки, из коридора на них поглядывали люди. Цяо Жунь пришел в себя, принял таз и позволил Шао Лисюаню войти.

В комнате было светло и уютно. Цяо Жунь смотрел на это юное лицо, ища тот самый надежный взгляд из воспоминаний. Он прошептал:

— Босс?

Его голос был таким мягким, что Шао Лисюань невольно заглянул ему в глаза и так же тихо ответил:

— М-м?

— Ты тоже вернулся? — Цяо Жунь ткнул его пальцем. Шао Лисюань ощутил тепло его кожи на своей щеке и, не расслышав слов, просто смотрел на него и кивал.

Цяо Жунь почувствовал от него этот ни с чем не сравнимый, «дешевый» аромат, совсем не похожий на будущего босса.

Он отдернул руку и сухо сказал:

— Спасибо.

— Тебе не нужно быть со мной таким вежливым.

Цяо Жунь опустил руки в таз. Вода слегка задрожала, отчего пальцы стали похожи на чистый белый нефрит. Шао Лисюань наблюдал за ним и вдруг подумал, что эти руки должны смотреться просто великолепно, когда пересчитывают деньги.

— Жунь-Жунь, после уроков у тебя будет время?

— Мне на подработку.

— Всего пять минут.

После обеда, как только прозвенел звонок, ученики бросились врассыпную. Шао Лисюань и Цяо Жунь двигались в толпе.

Цяо Жунь взглянул на его часы:

— Договорились, пять минут. Мне нужно успеть на автобус до торгового центра, иначе опоздаю.

Шао Лисюань кивнул.

Цяо Жунь дошел с ним до школьных ворот. Шао Лисюань протер скамейку у дороги, заставляя его сесть, и с важным видом подчеркнул:

— Пять минут.

Дождавшись кивка Цяо Жунь, он бросился к будке охраны, а за ней — к банкомату.

Сердце колотилось, рука с картой дрожала от волнения.

<http://bllate.org/book/21317/2162931>